

«Гражданином быть обязан!» (Эволюция представлений о социальной активности в ментальных установках советских граждан)*

А. Д. Попова

доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина.
Россия, г. Рязань. E-mail: a.d.popova@mail.ru

Аннотация. В статье автор исследует ментальные установки советского общества через призму восприятия гражданских обязанностей, представлений о должном поведении образцового советского гражданина, что является актуальным в свете формирования гражданского общества в современные дни. Гражданское общество невозможно создать без формирования представлений в обществе о должном поведении и обязанностях гражданина перед обществом. Автор проследил проблему в двух аспектах: формирование соответствующих установок с помощью массового искусства и пропаганды со стороны власти и реакция общественного сознания. Для выявления первого аспекта использовались художественные фильмы и публикации в периодической печати, для анализа второго аспекта были рассмотрены обращения граждан в органы власти за разные годы. Автор приходит к выводу, что в качестве главных черт образцового гражданина выдвигалось добросовестное отношение к труду и общественной работе, аскетизм, приоритет общественного интереса над личным. При этом анализ писем выявил, что некоторые весьма положительные и актуальные в современные дни идеи массового сознания (уважительное отношение к труду, умение учитывать потребности общества) сочетаются с некоторыми специфическими установками советского общества – приверженность к принуждению как главной форме управления, слабое уважение к альтернативным точкам зрения.

Ключевые слова: гражданское сознание, гражданское общество, социальная ответственность, обязанности, общественное благо, ментальные установки.

Важное место в системе ценностей любого общества занимают представления о должном поведении, о критериях его оценки. Говоря о гражданском обществе, очень важно выделить в ментальных установках представления не только о правах и свободах человека, но и о его обязанностях, о достойном и должном поведении. Поэтому в современные дни очень важно проследить процесс формирования и представления в общественном сознании обязанностей гражданина, его социальной активности. Представляется актуальным исследовать ментальные установки, которые сформировались в общественном сознании относительно гражданской активности человека, выполнения им обязанностей по отношению к государству и другим людям. Проблема интересна в двух аспектах: проводимая государством политика и отражение этой политики в сознании людей. Первый аспект может выясняться с помощью материалов, призванных воздействовать на умы людей: агитационных плакатов, лозунгов, массового искусства – песен и художественных фильмов. Советская пропаганда очень активно обращала внимание на формирование образа идеального советского человека. Плакаты, советские фильмы и книги, в том числе и детские, были направлены на формирование определенных черт, которые должны быть присущи советским гражданам.

Для выявления второго аспекта анализировались письма граждан в органы власти за различные периоды, то есть обращения граждан в органы власти, газеты и государственным или общественным деятелям. Даже в наиболее жесткие тоталитарные годы сталинского режима поток подобной корреспонденции был велик. В письмах люди не только докладывали о своих достижениях или просили власть помочь им в трудной ситуации (оказать финансовую помощь, пересмотреть уголовное дело, разрешить проживать в определенном месте), но и высказывали свои соображения по различным вопросам. Особенно повышалась активность граждан в период политических или экономических трансформаций или обсуждений проектов значимых документов. Советский Союз фактически не был демократическим государством, хотя это было прописано в Конституции и других документах. Однако в истории советского общества

есть целый ряд примеров, когда общественное мнение подключалось к обсуждению значимых вопросов. Например, без общественного обсуждения не обошлось принятие Конституций 1936 и 1977 гг. Конечно, очень часто такое обсуждение было во многом подконтрольно власти, ею же направлялось в определенное русло и имело цель не столько выслушать мнение граждан, сколько получить поддержку своего курса, сформировать картину поддержки населением государственной политики. Более того, в некоторые моменты власть специально сама организовывала обсуждения отдельных вопросов, чтобы с помощью этой «дискуссии» направить общественное мнение в нужное русло, использовать его как рычаг управления.

Однако в любом случае письмо во власть является документом, ярко отражающим как состояние общественного сознания и уже сложившиеся ментальные установки, так и работу власти по формированию этих самых ментальных установок. Не случайно в современной исторической науке проявляется большой интерес к этому виду источников [20; 21; 22; 23; 26]. Особенно ценными в этом плане представляются письма-отзывы на различные публикации в прессе или действия властей. В исследовании использовались письма граждан двух периодов: 1960 гг., когда началось обсуждение проекта новой Конституции и периода перестройки, которая началась в нашей стране в конце 1980 гг.

Одним из важнейших столпов советской идеологии была идея общественной пользы, то есть целью жизни достойного гражданина советского общества должно быть принесение пользы обществу. Жить надо не для себя, не для удовлетворения собственных интересов, а чтобы приносить пользу другим людям. Личное и общественное противопоставлялось, личное должно быть вторичным по отношению к общественному, думать о себе – значит, заведомо не думать о благе общества.

В качестве главной формы заботы о благе общества пропагандировался труд. Созидательный труд воспевался как естественная форма бытия каждого человека, соответственно, и образцовый советский человек – это человек, который беззаветно трудится на благо общества. Один из наиболее часто встречающихся героев советских плакатов – это красивый молодой человек, который успешно трудится на стройке или у станка. Таланты советских режиссеров и артистов тоже были направлены на формирование привлекательного образа трудового человека. Много замечательных фильмов отражали идею, что трудиться надо добросовестно: «Свинарка и пастух» (реж. И. Пырьев, 1941 г.), «Добровольцы» (реж. Ю. Егоров, 1958 г.). Даже комедии были направлены воспитывать добросовестное отношение к труду («Неподдающиеся» (реж. Ю. Чулюкин, 1959 г.), «Королева бензоколонки» (реж. Н. Литус, А. Мишури, 1962 г.). Более того, именно труд представлялся как главный способ социальной мобильности. Например, в фильме «Светлый путь» (реж. Г. Александров, 1940 г.) показан путь простой сельской девушки, которая поступила на фабрику ткачихой и стала Героем социалистического труда. Бесспорно данная установка советской пропаганды не может не быть одобряемой, в том числе и в современные дни. Добросовестный и созидательный труд является не просто источником существования, но и способом самореализации, раскрывает творческие способности человека. И в принципе понятны эмоции граждан, которые в своих письмах осуждали паразитический образ жизни. При обсуждении проекта новой Конституции в письмах граждан начала 1960-х годов неоднократно встречается требование обязать работать каждого, закрепить это нормой закона.

Например, очень эмоционально и образно этот вопрос обсуждает И. А. Паршина из Самарской области. Она пишет, что была командирована в военную часть и была поражена образом жизни жен военных: «Их дело: встать попозже, поесть получше, проваляться на пляже полный день, проболтать языками вечер. И это в то время, когда на другом берегу реки Самары идет напряженная посевная работа, создается изобилие продуктов потребления нашими тружениками села и города от мала до велика» [13, л. 118]. Возмущение автора вызывают даже отставные военные, которые вышли на пенсию, но физически способны работать. Поэтому женщина требует создать закон, который обязал бы всех без исключения трудиться на благо народа, при этом трудовой вклад в общее дело может быть только на производстве, а не дома (это личное благо): «Лица, уклоняющиеся от трудовой деятельности и тем самым подрывающие благо страны, являются врагами народа. Каждый должен отработать на благо народа: мужчины 25 лет, женщины 20 лет за исключением больных, многодетных матерей (выше 7 человек), несовершеннолетних и престарелых».

Гражданин В. М. Мутьян из Киргизии тоже сетовал, что в последнее время развелось слишком много тунеядцев, которые нигде не работают. Поэтому надо закрепить не только

право работать, но и обязанность делать это [14, л. 65]. Аналогичные формулировки предложены в письме Израила Моисеевича Абрамовича, учителя истории из г. Муром: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу “кто не работает, тот не ест”» [11, л. 10]. Гражданин Пансенко, возмущаясь, что есть пожилые люди, которые не достигли еще пенсионного возраста, но не работают, так как их содержат другие члены семьи, предложил следующую формулировку: «Все трудоспособные советские граждане (совершеннолетние) независимо от социального происхождения и материальной обеспеченности должны обязательно работать (исключая многодетных матерей), а в случае уклонения от работы привлекаться к ответственности и подвергаться порицанию» [13, л. 96].

Конечно, осуждение тунеядства, паразитического образа жизни соответствует моральным ценностям и современного общества. Однако в обсуждении гражданами этого вопроса проявляются некоторые специфические черты советской ментальности. Упор делался именно на меры принуждения. Граждане рассчитывали на властные меры со стороны государства, а не просто формирование в общественном сознании нетерпимости к праздности и тунеядству с помощью различных способов воспитания и пропаганды. Часто употреблялась формулировка «заставить работать» или даже «заставить работать силой», настаивали на введение юридической ответственности за уклонение от работы. Даже используется наиболее жесткая формулировка эпохи сталинизма в адрес неработающих – «враг народа». Также довольно жесткие формулировки использовал гражданин Н. А. Белоконов из Запорожья: «Их поголовно, независимо чей сын или дочь, заставить работать на благо Родины. Иначе они не имеют право дышать свежим воздухом, ходить по земле, кушать. Их надо всех взять на учет до единого, всех надо заставить трудиться насильно по закону» [19, л. 146]. Подобные идеи повторяются и в письмах граждан, которые писались уже значительно позже, то есть в период перестройки в 1989 г. Так, в письме гражданина Кузнецова, направленного на имя Б. Н. Ельцина, содержится требование: «Заставить всех работать. Мы столько содержим тунеядцев, бичей и др. нечисти, которая только потребляет, а ничего не производит» [9, л. 52]. А беспартийный рабочий предлагал наказывать не только уклоняющихся от трудовой деятельности, но и тех, кто этому способствует: «За укрывательство тунеядцев несет ответственность лицо, укрывавшее тунеядца, в виде штрафа 500 рублей» [7, л. 65].

Вторая специфическая черта, которая проявилась при обсуждении этого вопроса, – это особое отношение к физическому труду. Нельзя не одобрить практику внушения обществу мысли, что полезен любой труд, и на любой должности человек может работать творчески и с самоотдачей, что не может быть плохих профессий. В этом плане как очень грамотный шаг пропаганды можно оценить выход в 1962 г. на экраны кинокомедии «Королева бензоколонки», где представлена история девушки, которая волею случая, мечтая о карьере фигуристки, стала работницей обычной бензоколонки, но проявила очень большую активность и трудолюбие, смогла существенно повлиять на повышение качества обслуживания. Фильм ярко показывает, что работать с душой можно в любом месте. Актуальность данная картина не потеряла и в современные дни.

Однако советская пропаганда в первую очередь воспевала труд физический, то есть в поле, у станка, в забое, причем трудные условия работы (а то и опасные или антисанитарные) не должны служить препятствием, ибо они только закаляют человека. Стремление к комфорту как в быту, так и на работе не приветствовалось. Интеллектуальный труд или творческая деятельность замечались и пропагандировались гораздо меньше. Неслучайно героями фильмов в первую очередь становились рабочие фабрик и заводов, колхозники, строители. В фильме «Карьера Димы Горина» (реж. Ф. Довлатян, Л. Мирский, 1961 г.) главный герой Дима Горин работает в сберкассе, при этом его отличает аккуратность и даже скрупулезность. Однако настоящим советским человеком он формируется, когда попадает на строительство линии электропередач в Сибири. Фильм показывает, что только тяжелый труд, суровые условия труда и быта сделали из него настоящего человека. Неслучайно гражданка И. А. Паршина, переживая, что жены офицеров не работают, видит эту проблему именно через призму задачи убрать урожай, а не через призму нехватки инженеров на заводе или бухгалтеров в различных учреждениях. Автор письма даже не допустила мысли, что проводящие время на пляже женщины могут находиться в отпуске и работать, например, в школе, быть надомниками. Авторы писем были уверены, что уклоняющиеся от работы обязательно должны пополнять ряды занятых именно тяжелым физическим трудом: «Если такая статья будет принята, то люди будут вынуждены ехать осваивать целинные земли или на стройки».

Зато умственный труд в некоторых обращениях граждан явно недооценивался, воспринимался как довольно легкий, не заслуживающий серьезной оплаты. Тот же гражданин Лаптев, рассуждая о вечерних школах, утверждает, что в них должны бесплатно в качестве общественной нагрузки преподавать учителя обычных школ, как это делали учителя до революции: «А почему же теперь человек, носящий галстук и шляпу, обязательно должен запускать руку в кассу государства за такое благотворение?» [4, л. 151].

Еще одна специфическая черта понимания труда в общественном сознании заключалась в отторжении труда индивидуального. Восхвалялся труд именно коллективный, то есть на государственном предприятии. Данная черта общественного сознания формировалась не один год. Конституция 1936 г. допускала индивидуальную трудовую деятельность.

При обсуждении Конституции в начале 1960-х еще неоднократно встречаются предложения укрепить положение такой категории работников, узаконить индивидуальный труд в сельском хозяйстве. Например, гражданин М. Рыжков предлагал такую формулировку статьи в Конституцию: «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей, допускается законом частное хозяйство, как то: единоличных крестьян, кустарей, ремесленников, ателье, медицинских учреждений, основанных на соблюдении принципа социализма “от каждого по его способностям, каждому по его труду”» [14, л. 53]. Аналогичную формулировку предлагал и гражданин В. С. Козлов: «Наряду с социалистической системой хозяйства временно допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде, исключаящее эксплуатацию чужого труда, использование наемных работников и личную наживу» [14, л. 63]. Уже цитируемый Лаптев предлагал признать право кустарей самостоятельно реализовывать свою продукцию.

Однако уже в конце 1950-х годов государство все больше и больше наступало на частный труд. В общественное сознание внедрялась мысль, что тяжелый труд на колхозном поле достоин уважения, а вот такой же нелегкий труд на приусадебном участке должен вызывать совсем другие оценки. В 1960 году в журнале «Коммунист» была опубликована статья «Кто не работает, тот не ест!». В ней предлагалось обсудить, насколько соответствует моральному облику советского человека использование личных участков для получения прибыли, что было обозначено как нетрудовые доходы. Все было сделано очень грамотно: редакция вроде бы как открывала дискуссию, где каждый может высказать свое мнение. Однако публикации подлежали только письма, в которых высказывалась позиция, нужная для власти, то есть осуждение владельцев личных участков, которые выращивали овощи и фрукты на продажу [21, с. 76]. Даже комедийное кино вносило свою лепту в формирование отрицательного образа врача. Не случайно в фильме «Берегись автомобиля» (1966 г., реж. Э. Рязанов) тесть Димы Семицветова, отставной военный Сокол-Кружкин, выращивающий клубнику на своем участке, представлен как именно отрицательный персонаж. Его знаменитая фраза «Я торгую клубникой, выращенной собственными руками», приобретает комический характер.

Поэтому в ряде писем при обсуждении проекта Конституции в 1960-х гг. граждане демонстрируют довольно нетерпимое отношение к людям, которые пытаются улучшить собственное благосостояние за счет личной инициативы. Так, пенсионер из Одессы Петр Николаевич Секретарев писал: «Большое зло приносит стремление некоторой части населения к частной собственности и обогащению за счет нетрудовых доходов. <...> многие владельцы участков развели плантации клубники, с помидорами и фруктовыми садами, спекулируя на ранних урожаях с этих участков. Стыдно смотреть на этих стяжателей...» [5, л. 74]. Вполне логично, что подобные настроения еще более ярко проявились в период перестройки, когда граждане увидели реальную возможность сделать свой индивидуальный труд источником доходов. Конечно, отрицательное отношение к кооперативам, которое часто отражалось в письмах граждан, во многом было обосновано. Граждане вполне закономерно возмущались и плохим качеством предлагаемых товаров, и фактической подменой производства элементарной спекуляцией – некоторые кооперативы просто «доставали» дефицитный товар и перепродавали его с огромной наценкой. Однако некоторых людей в деятельности кооперативов в первую очередь возмущал их необщественный, «не советский» образ деятельности.

Многие авторы писем выражали недовольство именно тем, что кооператор работает на себя, а не на государственном предприятии или в колхозе. Так, рижские рабочие с тревогой писали Б. Н. Ельцину в 1990 г.: «Закон о собственности дает возможность бросить работу на заводе и на своей машине зарабатывать деньги, а завод нуждается в рабочих руках» [10, л. 62]. Этим же была обеспокоена читательница «Советской Кубани» Ленина, ей работа кооперативов виделась

сомнительной даже не в плане оценки качества их услуг, а именно в плане соотношения частного и общественного: «На заводах, фабриках, а также в сфере обслуживания, торговле (госторговле), медучреждениях нехватка рабочих и высшего, и низшего персонала. А в это время создаются кооперативы с привлечением рабочей силы (отток с государственных предприятий города). Разве это правильно?» [3, л. 136]. Автор убеждена, что работать в кооперативах должны только те, кто по уважительной причине может не работать на государственном предприятии (инвалиды, пенсионеры), а остальные – только в свободное от основной работы на государственном предприятии время. «Кто идет сегодня в кооперативы? Кто торгует на вокзалах (это же легче, чем у станка или у операционного стола)? Идут те, кто заинтересован в личном, но ничуть не думает об общественном!» – утверждает читательница. Почти слово в слово эту мысль повторяет еще один читатель этой газеты: «Всю молодежь выгнать с кооперативов на государственные предприятия» [3, л. 36об.]. Причем тут опять явно прослеживается идея принуждения как главного регулятора общественных отношений. Именно выгнать или обязать, а не стимулировать прийти на работу в государственный сектор.

Соответственно, советская идеология категорически не рассматривала труд как источник обогащения. Труд должен приносить благо, прежде всего, обществу, а благо самому трудящемуся является вторичным. Думать о личном обогащении считалось постыдным.

Поэтому в качестве яркой черты советского человека пропагандировался аскетизм, отказ от накопления материальных богатств. Стремление даже не просто к богатству, а порой к элементарному комфорту нередко вызывало осуждение в общественном сознании. Общественное мнение даже бралось судить о допустимости тех или иных трат у отдельного гражданина. В обращениях граждан по поводу новой Конституции в 1960-е годы это ярко видно. Одна гражданка с возмущением описывала, что видела, как домашнюю собачку кормили пломбиром: «Что это? Гадкая гадость и никак иначе! Разве может человек так глупо сорить трудовой копеечкой?» [13, л. 119].

В других письмах делаются уже более широкие выводы и предложения. Проблему равенства многие граждане понимали именно как равенство в благосостоянии: «Недопустимо, чтобы в стране, уверенно строящей коммунизм, одни были сынками, а другие пасынками, первые жили в богатстве, роскоши как высшее общество, а другие – кое-как» [4, л. 221]. Неоднократно авторы высказывали мысль, что надо сократить разницу в зарплатах и пенсиях, прийти к тому, чтобы все имели схожий уровень дохода. Относительно пенсий эмоции людей можно понять, так как на рубеже 1950–60 годов у некоторых людей пенсии были очень маленькие (иногда буквально 15 рублей), а некоторые ее не получали совсем (колхозникам она еще не начислялась). Однако подобные мысли высказывались и относительно зарплат. Например, житель Курской области Г. Д. Майданов утверждает, что все зарплаты в стране должны укладываться в «вилку» от 50 до 150 рублей. При этом он намекает, что более высокие зарплаты должны быть именно у представителей рабочего класса: «Уравнения не должно быть, но и не должно быть, когда основной трудящийся производитель всех наших ценностей в среднем получает от 50 до 75 рублей, а те, которые живут за счет их труда, получают в 5-25 раз больше» [17, л. 7]. Он же предлагает изъять дачи, машины, усадебные участки свыше 6 соток.

Установить единую для всех заработную плату предлагал и житель Могилевской области Ефим Кириллович Петроченко. Он доказывал, что весь труд надо оплачивать одинаково, так как стоимость товаров для всех одна: «Считаться с тем, что мой труд дороже, а его дешевле – это глупости...» [13, л. 144]. При этом автор ратует за ограничение права на личное имущество – надо запретить иметь в личной собственности дачи, дома, скот. Он уверен, что это заставит лучше работать всех на общее благо, так как все силы будут направлены именно на общее благо, а не на личное обогащение. Еще он выступает за конфискацию денежных накоплений: «У нас есть денежные магнаты в государстве, которых нужно раскулачить, то есть отнять их деньги и их имущество разделить поровну между всеми гражданами».

Похожие мысли высказывает и гражданин О. С. Торощин. Он выступает против права граждан иметь в собственности дачу и личную машину, предлагает отменить такой способ поощрения работников, как выплата денежных премий. Отличившихся он предлагает отмечать бесплатными билетами в театр, на самолеты и поезда, бесплатным питанием детей в школах. Более того, он настаивает, что у людей, которые смогли накопить большие суммы денег (более 50 тысяч), их накопления надо просто переводить в доход государства, а то они «начинают забывать, где они живут, баловать себя и детей недозволенной роскошью» [12, л. 39]. Аналогичные предложения появлялись в обращении граждан и в период перестройки. Логично, что мно-

гие требовали ликвидировать привилегии партийному и управленческому аппарату, специальные магазины, санатории и прочие блага, которые были мало доступны рядовому советскому человеку. Однако некоторые продолжали настаивать именно на поддержании низкого уровня доходов. Так, для Д. К. Зубковой в письме в редакцию газеты «Советская Кубань» социальная справедливость обозначала именно равенство в невысоком уровне доходов: «Давайте добиваться социальной справедливости конкретно – с понижения высоких зарплат спецам и ответственным работникам до среднего заработка рабочего» [1, л. 114об.].

В этом плане деятельность первых кооперативов вызывала возмущение не только продажей дефицита по завышенным ценам. Людей раздражал сам факт высоких доходов у ново-явленных капиталистов, даже если источником обогащения был честный труд по производству нужных людям услуг. 30 октября 1988 г. газета «Советская Кубань» опубликовала заметку «Дядя Гриша – миллионер», которая рассказывала об успешном фермере. Уровень его доходов был обозначен в заголовке. При этом герой публикации – Григорий Папазян – именно производил товар, а не перепродавал, он был успешным пасечником [25]. Однако, несмотря на это, в последующих номерах газеты появились письма от читателей, которых возмутил сам факт высоких доходов фермера. Письмо ветерана войны П. Овчаренко так и было озаглавлено «Я против такого обогащения!». Автор вопрошал: «Для чего же было пролито столько крови в революцию и Отечественную войну, неужели для того, чтобы отдельные Папазяны жили лучше, чем даже эксплуататоры при царе?» Чувства читательницы Михайловской также были выражены в заголовке «Что снова богатые и бедные?» [24].

Еще одной формой заботы об общественном благе в советском обществе считалась общественная работа. Советская мораль и идеология предписывали достойному члену общества вести общественную работу, которая имела место везде: в школах, вузах, на предприятиях. Формы этой общественной работы были различные – субботники, концерты самодеятельности, деятельность различных общественных организаций – от профсоюза до общества трезвости. Уклоняться от них считалось делом недостойным для строителя коммунистического общества. При обсуждении проекта Конституции в начале 1960-х годов гражданин Тарасов даже предложил ввести в Конституцию статью, которая закрепляла бы право заниматься общественной работой и, более того, предложил ее вписывать в трудовой паспорт, а то «в настоящий момент общественная работа никак не фиксируется и общественникам это очень обидно» [12, л. 3об.]. Конечно, сама идея бескорыстно помогать в решении общественно значимых вопросов весьма позитивна. Однако со временем общественная работа погрязла в рутине, формалистике, окутывалась различными планами и соревнованиями, теряя свой изначальный смысл и становясь самоцелью. Некоторые особо ретивые общественники вызвали раздражение у коллектива, так как выполнение общественной работы в рабочее время неизбежно накладывало на остальных обязанность работать за них. В еще одной очень талантливой комедии Э. Рязанова «Служебный роман» многим зрителям показался весьма знакомым персонаж Шурочки, которая, «кажется, числится в бухгалтерии», но все рабочее время тратит на общественную работу. Поэтому в период перестройки относительно общественной работы граждане выражали уже несколько иные мысли, чем в период оттепели. В письме в газету «Советская Кубань» в 1988 г. читательница требовала «ликвидировать общества, живущие за счет денег трудового народа. Это общество борьбы за трезвость, “Знание” и другие, перечень которых очень длинный. Ихние работники не ходят себе на работу и требуют отчеты с нижестоящих организаций, а мы, простые смертные, не успеваем сдавать взносы и писать никому не нужные отчеты» [2, л. 86об.].

Образ гражданина предполагает и мировоззренческую позицию. Если говорить о представлениях наших соотечественников относительно политических взглядов советского гражданина периода 1960-х гг., то они довольно монолитные и единодушные. Практически все авторы, которые затрагивали вопросы политики и идеологии, подчеркивали свою приверженность идеалам коммунизма. Во многих письмах коммунист выступает как олицетворение всего самого наилучшего в человеке. И именно от народа исходило требование закрепить в новой Конституции наличие в государстве марксистско-ленинской идеологии, официально оформить руководящую роль партии. Например, уже в цитируемом письме муромского учителя истории Абрамовича подчеркивалось: «Коммунистическая партия Советского Союза – ведущая сила Советского государства, она единственная народная партия народного государства» [11, л. 8]. Ветеран войны В. В. Покровский, который не ограничился отдельными предложениями, а прислал полный текст нового варианта Конституции, счел нужным вклю-

чить в раздел о политической системе страны следующую статью: «КПСС принадлежит ведущая роль в административном руководстве страной, как передовой части (авангарда) советского народа, как направляющей организацией, вдохновляющей силы советского общества» [12, л. 105]. Это же предлагал и гражданин М. Б. Тонконогий: «Марксистско-ленинское учение является научным мировоззрением Коммунистической партии и всего советского народа» [12, л. 29об.].

Конечно, эмоции этих людей понятны. Авторы подобных предложений не просто были коммунистами, но и зачастую стали ими в нелегкие военные или послевоенные годы. Например, автор проекта В. В. Покровский вступил в партию в 1943 г. будучи бойцом Советской Армии, когда быть коммунистом обозначало моральную обязанность не уклоняться от опасностей и трудностей. Партийные билеты нередко вручались в окопах на передовой или в цехе завода, с ними потом шли в атаку или вставали к станку на сверхурочную, чтобы обеспечить фронт боеприпасами.

Однако в последующие годы партия не просто сливалась с государственным аппаратом, но и вместе со всей государственной структурой все больше бюрократизировалась. Партийный билет все больше рассматривался как способ сделать карьеру, партийная элита все больше и больше отрывалась от народа, обрастая льготами и привилегиями. Неудивительно, что в период перестройки отношение к членству в партии стало мозаичным. Для многих членство в партии уже не выступало в качестве залога активной гражданской позиции, ответственности и порядочности. Гражданин Корнющенко в своем письме доказывал, что именно эта партия виновна в бедственном положении страны: «Итогом всех ее свершений и побед явился глубочайший кризис социализма (если можно вообще говорить о социализме в СССР» [9, л. 14]. Некоторые с возмущением воспринимали уже привычный лозунг, что партия объединяет наиболее сознательных и ответственных граждан: «Что же это, товарищи депутаты, получается, что если я беспартийный, то я уже автоматически и не передовой, и не наиболее сознательный и пр.?» Однако людей, для которых коммунист олицетворялся со всем лучшим в человеке, тоже было немало. Например, гражданин Семенов считал, что члены партии должны «вести за собой массы на основе личных примеров стойкости и мужества, аскетизма и скромности» [9, л. 8].

Еще более мозаично в общественном сознании оценивался такой элемент мировоззрения, как отношение к религии. Одним из бесспорных достижений советской власти было отделение церкви от государства и провозглашение свободы совести. Формально все советские Конституции это право прописывали. Относительно него в письмах оттепели высказываются различные мнения.

Естественно, поступали письма от верующих, которые требовали не ограничивать их в правах и относиться к их взглядам с уважением. В ряде писем право верить признается наряду с другими правами. Например, в уже цитируемом проекте Лаптева фактически полностью приведена 124 статья Конституции 1936 г.: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа – от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Муромский учитель истории Абрамович даже несколько расширил права граждан в этом вопросе, предложив следующую формулировку, подчеркивающую равенство верующих и неверующих: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды без оскорбления религиозных чувств верующих трудящихся признается за всеми гражданами» [11, л. 32].

Однако были противоположные мнения. Целый ряд авторов выступал очень категорично – советский гражданин должен быть атеистом. Примерно в одинаковых фразах в письмах от гражданина Агапова из города Андиган, В. М. Пойченко из Симферополя и анонимного автора содержатся утверждения, что в новой редакции Конституции надо изъять право человека на религию как реакционную, тормозящую общество идти вперед. «Практика показывает, что существующие религиозные учреждения на территории СССР извращают молодежь, ведут агитацию против науки, иногда и советской власти, проводят политику, идущую вразрез законодательству нашего государства, имеют связи за границей», – утверждал Агапов, а Пойченко призывал объявить верующих государственными преступниками [11, л. 60]. Товарищ Мусин предложил лишать родителей родительских прав за приобщение детей к религии [13, л. 48]. Москвич Нирод был настроен менее радикально, он утверждал, что не против религии, но считает необходимым прописать в Конституции запрет на деятельность различ-

ных сект, сопоставляя их с фашизмом и называя «до мозга костей лицемерием и подлым явлением» [13, л. 73].

В годы перестройки на XIX партийной конференции было заявлено о недопустимости нарушения прав верующих. Это стало сигналом к активизации церковной жизни, храмы и монастыри стали возвращаться верующим, служители культа стали появляться на общественных мероприятиях и даже некоторое время избирались в депутаты. И опять мнение граждан разделилось. Одни упрекали власть за слишком большое внимание к церковной жизни, приравнивали смену курса в этом вопросе к предательству. Для других принадлежность к вере стала выступать признаком высоких нравственных идеалов, и с этой целью призывали ускорить процесс возвращения храмов, утверждая, что это будет содействовать нравственному возрождению людей, голос священнослужителей стал выступать в глазах некоторых людей как источник сокровенной истины. «Особенно прошу Вас не забыть, что Россия – особая страна. Здесь нельзя уповать только на экономические расчеты. Нам нужно духовное возрождение и нужно принять во внимание мнение священнослужителей (в том числе и депутатов)», – настаивал Алексей Мельник, рассуждая об экономическом возрождении страны [6, л. 41]. Надо отметить довольно нетерпимый характер высказываний: каждая сторона писала с убеждением, что только ее точка зрения является верной, а противоположная позиция недопустима.

Таким образом, анализ писем двух эпох показал, что в советские годы сложился довольно яркий портрет образцового советского гражданина: человек, который много трудится на благо общества, ставит личные интересы ниже общественных, не стремится к накоплению материальных благ, готов обходиться малым. При этом выявились и некоторые другие особенности ментальных установок: восприятие принуждения как универсального способа управления, нетерпимость к альтернативной точке зрения.

Ментальные особенности, сложившиеся в советский период, не могут игнорироваться, и в то же время нельзя не признать, что многие из них актуальны и востребованы в современные дни. Конечно, сейчас нельзя говорить об обязательном признании одной политической идеологии или единообразия в вопросе свободы совести. Демократическое общество допускает свободный выбор каждого гражданина в этих вопросах. Вряд ли современное общество примет идеи аскетизма и воздержания от приобретения материальных ценностей.

Однако идея служения обществу актуальна во все времена. Бессмысленно говорить, что все ценности советского общества были ошибочны и должны кануть в историю. Советская идеология во многом опиралась на общечеловеческие ценности, которые будут актуальны при любой политической и экономической системе. Однако если в советское время личное и общественное противопоставлялось, то в современные дни необходим синтез ценности частных и общественных интересов. В этом плане ценность созидательного труда должна занять достойное место и в современной системе ценностей. Хотя, бесспорно, должны быть пересмотрены механизмы формирования такого отношения в сознании подрастающего поколения. В современные дни ставка не может делаться на механизмы принуждения, формула «заставить всех работать» уже устарела. Обществу и власти нужно научиться в полной мере использовать другие механизмы воздействия на сознание людей.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1811. Оп. 1. Д. 21.
2. ГА КК. Ф. Р-1811. Оп. 1. Д. 22.
3. ГА КК. Ф. Р-1811. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 327.
5. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 329.
6. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 78.
7. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 53.
9. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 73.
10. ГА РФ. Ф. А-664. Оп. 1. Д. 54.
11. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324.
12. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 344.
13. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 328.
14. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 323.
15. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 324.
16. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 334.
17. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 340.

19. ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 346.
20. Даренская И. В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг. // Вопросы всеобщей истории. 2013. С. 31–36.
21. Попова О. Д. «Кто не работает, тот не ест?» Советская пропаганда и формирование отношения к собственности у граждан в 1960-е годы (по материалам «писем во власть») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. Есенина. 2018. № 3. С. 68–79.
22. Попова О. Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в нищете...» : мысли и думы советского народа накануне 50-летия Октября // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 127–135.
23. Рожков А. Ю., Мамонтова О. А. Письма «во власть» как исторический источник изучения социальных проблем студенчества советской России 1920-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1. С. 85–93.
24. Советская Кубань. 1988. 20 ноября.
25. Советская Кубань. 1988. 30 октября.
26. Тихомирова А. А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «Я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 138–158.

"Must be a citizen!" (Evolution of ideas about social activity in the mental attitudes of Soviet citizens)

A. D. Popova

Doctor of Historical Sciences, professor, Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin.
Russia, Ryazan. E-mail: a.d.popova@mail.ru

Abstract. In the article, the author examines the mental attitudes of the Soviet society through the prism of the perception of civil duties, ideas about the proper behavior of an exemplary Soviet citizen, which is relevant in the light of the formation of civil society in modern days. It is impossible to create a civil society without forming ideas in society about the proper behavior and duties of a citizen to society. The author traces the problem in two aspects: the formation of appropriate attitudes through mass art and propaganda by the authorities, and the reaction of public consciousness. To identify the first aspect, we used feature films and publications in the periodical press, and to analyze the second aspect, we considered citizens' appeals to the authorities for different years. The author comes to the conclusion that the main features of an exemplary citizen were a conscientious attitude to work and social work, asceticism, and the priority of public interest over personal interests. At the same time, the analysis of the letters revealed that some very positive and relevant ideas of mass consciousness in modern days (respect for work, the ability to take into account the needs of society) are combined with some specific attitudes of the Soviet society – a commitment to coercion as the main form of government, a weak respect for alternative points of view.

Keywords: civil consciousness, civil society, social responsibility, duties, public good, mental attitudes.

References

1. State archive of the Krasnodar territory (SA KT). F. R-1811. Inv. 1. File 21.
2. SA KT. F. R-1811. Inv. 1. File 22.
3. SA KT. F. R-1811. Inv. 1. File 3.
4. State archive of the Russian Federation. F. P-7523. Inv. 131. File 327.
5. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 329.
6. SARF. F. A-664. Inv. 1. File 78.
7. SARF. F. A-664. Inv. 1. File 53.
9. SARF. F. A-664. Inv. 1 File 73.
10. SARF. F. A-664. Inv. 1. File 54.
11. SARF. F. R-7523, Inv. 131 File 324.
12. SARF. F. R-7523, Inv. 131. File 344.
13. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 328.
14. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 323.
15. SARF. F. P-7523. Inv. 131. File 324.
16. SARF. F. R-7523. Inv. 131. File 334.
17. SARF. F. R-7523. Inv. 131. File 340.
19. SARF. F. R-7523. Inv. 131. File 346.
20. Darenskaya I. V. "Pis'ma vo vlast'" kak istochnik analiza otnoshenij vlasti i obshchestva v 1920–30-e gg. ["Letters to authorities" as a source of analysis of the relations of power and society in the 1920–30s.] // *Voprosy vseobshchej istorii* – Questions of universal history. 2013. Pp. 31–36.

21. Popova O. D. "Kto ne rabotaet, tot ne est?" Sovetskaya propaganda i formirovanie otnosheniya k sobstvennosti u grazhdan v 1960-e gody (po materialam "pisem vo vlast") ["Who doesn't work, doesn't eat?" Soviet propaganda and the formation of attitudes to property among citizens in the 1960s (based on the materials of "letters to the authorities")] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. Esenina* – Herald of the Ryazan State University n. a. S. V. Yesenin. 2018. No. 3. Pp. 68–79.

22. Popova O. D. "Pravitel'stvo zhivet pri kommunizme, a my v nishchete...": mysli i dumy sovetskogo naroda nakanune 50-letiya Oktyabrya ["The Government lives under communism, and we are in poverty...": thoughts of the Soviet people on the eve of the 50th anniversary of October] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural historical herald. 2017. No. 3 (56). Pp. 127–135.

23. Rozhkov A. Yu., Mamontova O. A. Pis'ma "vo vlast'" kak istoricheskij istochnik izucheniya social'nyh problem studenchestva sovetskoj Rossii 1920-h gg. [Letters "to the authorities" as a historical source for studying social problems of students in Soviet Russia in the 1920s] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* – Society: philosophy, history, culture. 2019. No. 1. Pp. 85–93.

24. *Sovetskaya Kuban'* – Soviet Kuban. 1988. November 20.

25. *Sovetskaya Kuban'* – Soviet Kuban. 1988. October 30.

26. Tihomirova A. A. Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe "Ya" v pis'mah vo vlast' v rannej sovetskoj Rossii [To earn, justify and restore the party's trust: the Soviet "I" in letters to authorities in early Soviet Russia] // *Novejshaya istoriya Rossii* – Modern history of Russia. 2017. No. 3. Pp. 138–158.